X. Y. Z.

ПОЛЬСКІЙ ОТВѢТЪ

на меморандумъ націоналистовъ

об угнетеніи русскихъ въ Галиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.
ТИПОГРАФІЯ А. Б. СМОЛИНСКАГО И С. КМИТА СПБ., ЗАГОРОДНЫЙ ПР., № 74.

X. Y. Z.

ПОЛЬСКІЙ ОТВѢТЪ

на меморандумъ націоналистовъ

объ угнетеніи русскихъ въ Галиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.
ТИПОГРАФІЯ А. Б. СМОЛИНСКАГО И С. КМИТА, СПБ., ЗАГОРОДНЫЙ ПР., № 74.

„Мы, поляки западныхъ губерній, были-бы вполнѣ удовлетворены, если-бы получили тѣ права, которыя мѣстное правительство восточной Галиціи добровольно предоставило непольскому ея населенію.“

— Можете смѣло сказать, что и мы, поляки Царства Польскаго, были-бы вполнѣ удовлетворены этими правами—замѣтилъ Дмовскій, прочтя вышеприведенныя слова въ моей рукописной статьѣ.

Это заявленіе, соотвѣтственно исправленное, и было напечатано пять лѣтъ назадъ, по русски, къ свѣдѣнію членовъ Гос. Думы.

Противъ очевидности такого заявленія, никто изъ русскихъ въ то время не рѣшился даже возражать. Но злоупотребленіе въ извѣстныхъ кругахъ словеснымъ блудомъ стало съ тѣхъ поръ вводиться въ систему, въ политическое средство. И вотъ, спустя пять лѣтъ, въ теченіи которыхъ если что и измѣнилось, то къ худшему, такъ какъ націоналисты систематически разрушали и давили—особенно въ земляхъ со смѣшаннымъ населеніемъ—всякое польское культурное и общественное начинаніе, всякое стремленіе польской народной вѣры къ самостоятельной жизни, они теперь къ свѣдѣнію Европы, а попутно и Россіи, повторяютъ вышеприведенное польское заявленіе, выворачивая его на изнанку.

Они говорятъ: „положеніе поляковъ въ Россійской Имперіи и русскихъ въ Галиціи является поразительнымъ контрастомъ“.

Правда. Будь иначе, развѣ осторожный и умный политикъ рѣшился бы одобрить и даже расширить смыслъ словъ, составляющихъ обязательство, что поляки вполнѣ удовлетворятся въ россійскомъ государствѣ тѣмъ, что имѣютъ въ Галиціи русскіе.

Категорически утверждаю, что съ этимъ вполнѣ согласны всѣ представители поляковъ, какіе только были во всѣхъ трехъ Думахъ и въ Госуд. Совѣтѣ. Еще очень недавно тоже-

ственное заявленіе повторено было съ каѳедры Госуд. Думы. Но поляки хорошо уже теперь сознаютъ, что надо превзойдти Манилова, чтобы увѣровать, что націоналисты согласятся когда либо сгладить, хотя бы на половину, дѣйствительно поразительную яркость того „контраста“, на который указываютъ сами.

Возьмемъ основное для всякой національности дѣло просвѣщенія. Въ Царствѣ Польскомъ всѣ казенныя учебныя заведенія русскія, а и въ частныхъ школахъ половина главныхъ предметовъ обязательно преподается по русски, русскими учителями.

Вообще школы, въ которыхъ польскій языкъ пользуется хотя бы ограниченнымъ правомъ гражданства, считаются „терпимымъ зломъ“—не болѣе.

Насколько знаю, представитель умѣреннѣйшаго польскаго политическаго теченія, въ недавнемъ разговорѣ съ г. председателемъ Совѣта Министровъ, счелъ своимъ долгомъ прежде всего коснуться именно ужаснаго положенія, почти тупика, въ который мѣстныя школьныя власти загоняютъ частную школу въ Царствѣ Польскомъ, парализируя каждый ея импульсъ къ развитію. При начальномъ образованіи польскій языкъ считается только вспомогательнымъ, только цѣлью къ усвоенію русскаго.

Въ Галиціи, напротивъ, все начальное образованіе ведется исключительно на мѣстномъ языкѣ. Украинцы обильнѣе снабжены училищами, чѣмъ поляки (на 1 польское училище 80 польск. учен. и на 1 украинское 62). А такъ какъ о языкѣ преподаванія рѣшаютъ приговоры мѣстнаго населенія, то въ восточной Галиціи, гдѣ поляки составляютъ внушительное меньшинство (около полутора миліона), до 50,000 польскихъ дѣтей вынуждены обучаться въ украинскихъ школахъ. Во всей Галиціи поляковъ 54,4% и польскихъ школъ 52,3; украинцевъ 42,1 и украинскихъ школъ 47,1%, между тѣмъ въ россійскомъ государствѣ уѣзды сплошь польскіе снабжены школами много бѣднѣе, чѣмъ тѣ, гдѣ имѣется и русское населеніе. (Напр. въ Люблинскомъ уѣздѣ русскихъ 0,8% и 1 школа на 6988 чел., въ Томашовскомъ уѣздѣ русскихъ 38% и 1 школа на 1260 чел.

Въ Галиціи постепенно созданъ рядъ казенныхъ полноправныхъ гимназій съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ (во Львовѣ, Пржемыслѣ, Станиславовѣ, Тарнополѣ, Коломыѣ); на львовскомъ польскомъ университетѣ 14 украинскихъ каѳедръ; ихъ численность ограничивается только тѣмъ, что украинская интеллигенція дать большее число научныхъ силъ пока не въ

состоянiи; благодаря этому и украинскiй университетъ, на учрежденiе котораго, на казенный счетъ и съ полными автономными правами, поляки согласились, не можетъ начать функцiонировать сразу во всемъ объемѣ.

Теперь въ львовскомъ университетѣ читаются по украински: австрiйское право, гражданское судопроизводство, исторiя Украйны, всеобщая исторiя, русскiй языкъ, космографiя, богословiе и т. д. Несомнѣннымъ „контрастомъ“ будетъ сопоставленiе съ этимъ многолѣтнихъ тщетныхъ старанiй получить хотя бы каѳедру польской литературы въ Варшавѣ, завершившихся разрѣшенiемъ читать польскому профессору исторiю польской литературы для польскихъ слушателей въ польскомъ краѣ по русски. Гучковъ, какъ maximum, какъ долго еще неосуществимое пожеланiе, выдвигаетъ не польскiй университетъ въ Варшавѣ, а какiе-то паралельные, польскiе (вѣроятно необязательные, безъ правъ) и русскiе курсы, и видитъ въ этомъ не постоянное memento о безправiи польскаго языка въ Польшѣ, а путь къ тому, чтобы Варшава стала средоточiемъ польской науки. Но эта наука уже 500 лѣтъ назадъ нуждалась въ самостоятельныхъ высшихъ школахъ и могла самостоятельно создавать ихъ. Поляки, считая справедливымъ удовлетворить стремленiе къ нацiональной высшей школѣ даже той народности, у которой нѣтъ еще въ наличности научныхъ силъ для такой школы,— очевидно ни къ какимъ паралельнымъ курсамъ не могутъ относиться, какъ къ дѣйствительному удовлетворенiю своей насущной и очевидной нужды. Слѣдовательно не только-то, что есть, но и то, что обѣщается, какъ журавль на небѣ, не въ состоянiи ослабить пресловутаго «контраста».

Что за дикая мысль со стороны русскихъ нацiоналистовъ указывать на него Европѣ! Только недавно они громили кадетовъ, что тѣ извлекаютъ соръ изъ избы наружу, и вдругъ сами требуютъ тащить туда же цѣлыя панорамы.... «контрастовъ». Если Гучковъ и сдѣлалъ посильную попытку убавить ихъ рѣзкость, то его-же фракцiя, не медля одной недѣли, возстановила всю ихъ красочность, отказавъ полякамъ въ правѣ свидѣтельствовать и присягать на судѣ по польски. Въ Галицiи самый ярый реакцiонеръ не поднялъ бы такого вопроса по отношенiю къ русскимъ. Онъ былъ бы осмѣянъ, какъ безумный.

Въ Царствѣ Польскомъ поляки на государственной службѣ составляютъ 3%, причемъ цѣлый рядъ должностей и именно

главныхъ, составляетъ привиллегію лицъ исключительно русскаго происхожденія. Въ судебной области, при отсутствіи присяжныхъ судей, устраненіе мѣстнаго элемента особенно даетъ себя чувствовать населенію. Между тѣмъ устраненіе поляковъ отъ судейскихъ функцій проводится въ польскомъ краѣ радикально. Мировыми судьями въ городахъ края могутъ быть только русскіе. На 36 членовъ варш. суд. палаты нѣтъ ни одного поляка и католика; то же самое во всѣхъ 10 окр. судахъ Царства Польскаго. Мѣста въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ удержались съ прежнихъ лѣтъ единичные поляки, послѣ ихъ смерти или удаленія на покой, замѣщаются систематически русскими.

Въ Галиціи ограниченія и вытѣсненіе мѣстнаго элемента изъ администраціи, суда и школы совершенно немыслимы. Не имѣя возможности обвинять въ этомъ поляковъ, меморандумъ главнымъ своимъ козыремъ выдвигаетъ—гоненіе на православныхъ. О современномъ отношеніи къ католичеству въ Царствѣ Польскомъ даетъ достаточное понятіе записка члена Гос. Совѣта, гр. Велепольскаго, обращенная къ своимъ товарищамъ по Совѣту и представителямъ власти. Пересказывать ея не буду, такъ это слишкомъ тяжело.

Въ восточной-же Галиціи дѣло обстоитъ такъ.

Здѣсь, 1 православный на свыше 1500 уніатовъ и никакого «движенія» къ православію нѣтъ. У народа своя, глубоко сросшаяся съ его національнымъ укладомъ вѣра и онъ также крѣпко отстаиваетъ ее отъ православныхъ, какъ и отъ католиковъ.

Единичные переходы въ православіе, какъ во всякую другую вѣру, бываютъ — и никому до этого нѣтъ дѣла. Характеръ же тѣхъ переходовъ, которые обратили на себя болѣе вниманія, уже раскрылъ въ лондонскомъ «Times» живущій въ центрѣ соотвѣтственной агитаціи землевладѣлецъ, кн. Павелъ Сапѣга. Онъ категорически заявилъ, предлагая всѣ нужныя тому доказательства, что за переходъ въ православіе агитаторы платятъ по 100 руб. и болѣе съ человѣка, и поэтому бѣднѣйшіе крестьяне соглашаются на перемѣну вѣры для виду, нисколько не будучи заинтересованными въ дальнѣйшемъ ея отстаиваніи. Немногочисленный кружокъ главарей обрусительной партіи въ Галиціи, благодаря завладѣнію наиболѣе богатыми народными учрежденіями и денежной помощи отъ русскихъ націоналистовъ, такъ блестяще обставленъ въ матеріальномъ отношеніи, что

безрезультатная пропаганда ставила-бы его прямо въ смѣшное положеніе. Поэтому создаются хотя-бы искусственные результаты и о нихъ-то шумятъ на всю Россію. Но мѣстное, уважающее себя православіе, именно высшая православная іерархія въ Австріи, знаетъ некрасивую подкладку такихъ фиктивныхъ обращеній въ православіе и, уклоняясь отъ солидарности съ этимъ, создаетъ такому «религіозному движенію» нѣкоторыя, впрочемъ вполнѣ устранимыя препятствія.

Очень естественно, что поляки, не сочувствуя также такой агитаціи, ради ея удобствъ не вступаютъ въ пререканія съ православной австрійской іерархіей.

Но до запретовъ и гоненій отсюда еще далеко. Характерный образецъ безпочвенныхъ сплетенъ на эту тему являетъ сказка о гоненіи на жителей села Залучья. Если-бы обратиться къ документальнымъ даннымъ, опровергающимъ какъ это, такъ и другія измышленія меморандумъ, то настоящій краткій отвѣтъ пришлось бы расширить до размѣровъ объемистой книги. Поэтому я ограничусь заявленіемъ, что документальныя данныя существуютъ, и что тѣмъ кругамъ общественнаго мнѣнія Европы, къ которымъ обращается меморандумъ, они будутъ представлены.

Здѣсь же укажу, насколько находка въ Галиціи «страдающихъ за вѣру» составляетъ выдумку неумную.

Есть единственный способъ создать среди народа восточной Галиціи тяготѣніе къ православію. Это относиться къ желающимъ перейдти въ православіе такъ, какъ относились въ Россіи къ уніатамъ, желающимъ перейдти въ католичество. Слѣдовательно агитаторамъ было бы только на руку и они повременили бы жаловаться, если бы поляки на самомъ дѣлѣ вступили на путь религіозныхъ гоненій. Но поляки не настолько наивны, да и не могутъ чинить при перемѣнѣ вѣроисповѣданія никакихъ препятствій, кромѣ совершенно несущественныхъ, отражающихъ понятное несочувствіе столь неблаговидной религіозной пропагандѣ.

Чего же въ итогѣ требуютъ отъ поляковъ вдохновители меморандумъ? Ни болѣе ни менѣе, какъ того, чтобы священное право самоопредѣленія было отнято у народа Галиціи и всецѣло предоставлено гр. Бобринскому, Балашову и Компаніи.

Во всемъ мірѣ считается аксіомой, что человѣкъ уже потому, что рождается человѣкомъ, а не безвольнымъ скотомъ, приноситъ съ собою вмѣстѣ съ жизнію право выбора родины и родного

языка. Русскіе націоналисты это право толкуютъ такъ: «русскій не только тотъ, который самъ себя считаетъ русскимъ, но и всѣ тѣ, которыхъ, вопреки ихъ волѣ, мы считаемъ русскими. Полякъ, котораго намъ угодно считать русскимъ, подлежитъ наказанію, если учится или молится по польски. Наказанію подлежатъ и содѣйствующіе ему въ этомъ».

Націоналисты рвутъ, мечутъ и даже взываютъ къ человѣческой совѣсти, что такую волчью мораль поляки отказываются перенести на почву Галиціи. Вдобавокъ перенести непремѣнно альтруистически. Народъ восточной Галиціи, который не желаетъ считать себя ни польскимъ, ни русскимъ, поляки не должны ни въ какомъ случаѣ считать польскимъ, а только русскимъ.

Итоги послѣдней переписи населенія Галиціи были напечатаны въ «Вечерн. Врем.» въ декабрѣ 1911 г. По этимъ даннымъ западная Галиція сплошь польская; въ восточной около $1^1/_2$ мил. поляковъ на $3^1/_2$ мил. уніатовъ и 2,000 православныхъ. Если авансомъ и удесятерить послѣднее число, то и тогда нельзя во имя человѣческой совѣсти требовать, чтобы поляки содѣйствовали: захвату кучкой въ 20,000 власти надъ $3^1/_2$ мил. «мазепинцевъ». Только намекъ на возможность такой тираніи стоилъ жизни намѣстнику Галиціи, гр. Потоцкому.

Украинцы, благодаря конституціонной свободѣ, борятся съ поляками за свои нужды очень рьяно и пылко, подчасъ даже переругиваются такъ, что, при умѣлой подтасовкѣ, можно бы утверждать о ненависти къ полякамъ и т. п., но все это не мѣшаетъ имъ мирно жить другъ съ другомъ, совершенно выключая изъ своихъ взаимоотношеній политическій терроръ. Между тѣмъ стоило только польскому намѣстнику сдѣлать опредѣленно примирительный шагъ въ сторону восточно-галицкаго движенія къ культурному объединенію съ Россіей, какъ опасеніе украинцевъ за свою національную самобытность моментально вспѣнило волну народнаго возмущенія до того, что она выкинула терориста—убійцу. И несмотря на то, что убитъ былъ человѣкъ, далекій отъ жестокости по отношенію къ кому бы то ни было, украинскій народъ Галиціи, вопреки всѣмъ божескимъ законамъ, упорно желаетъ видѣть въ убійцѣ національнаго героя. Нужно ли еще болѣе яркое доказательство, какъ рѣшительно онъ готовъ отстаивать свою національную обособленность?

И вотъ единомышленники обрусителей Галиціи требуютъ теперь, призывая на помощь общественное мнѣніе Европы и..

человѣческую совѣсть, чтобы поляки совершили чудовищный актъ самозакланія: ринулись бы безумно въ борьбу съ украинскимъ народомъ, съ конечной цѣлію связать его и себя по рукамъ и ногамъ и покорно отдать въ такомъ видѣ въ распоряженіе единомышленниковъ гр. Бобринскаго и Комп.

Только тогда, въ награду, обѣщается полякамъ примиреніе съ ними. Поляки прекрасно себѣ уясняютъ, какимъ именно было бы это примиреніе.

Прежде всего націоналисты вспомнили бы, что, по ихъ изысканіямъ, въ Краковѣ раньше были будто бы церкви, а не костелы; затѣмъ потребовали бы отъ поляковъ, чтобы, во имя славянофильства или неославизма, они отвернулись отъ Рима и западной культуры и всецѣло «отъ моря и до моря» пропитали-бы себя русскимъ духомъ. Вотъ совершенно опредѣленная почва, только на какой и могла возникнуть мечта Балашова (которую онъ повѣдалъ польскому кореспонденту), что поляки проснутся въ одно прекрасное утро истинными русскими. Вотъ очевидная минимальная цѣна всамдѣлишнаго примиренія вдохновителей меморондумъ, его авторовъ и всѣхъ, кто за ними, съ поляками.

Я думаю, что, намѣчая себѣ такой дикій путь отношеній съ поляками, націоналисты преувеличенно учитываютъ то, что поляки въ политикѣ, какъ и въ жизни, склонны къ сантиментализму. Не говоря о томъ, что къ хищному, животному націонализму они органически не способны, они неспособны даже и къ суровому блюденію національной своей пользы и своего добра, разъ это задѣваетъ и больно бьетъ по другимъ. По моему убѣжденію, напримѣръ, политическій разумный эгоизмъ требовалъ отъ поляковъ, въ настоящихъ условіяхъ ихъ жизни, чтобы, пока въ границахъ этнографической Польши не существуетъ повсемѣстная и полноправная польская школа, они не отказывались бы отъ польской школы нигдѣ, гдѣ таковая можетъ быть. Но они отказались отъ нее въ восточной Галиціи, когда потребовала этого отвлеченная справедливость и воля народа. Приведу такой характерый фактъ изъ мѣстной жизни. Въ г. Станиславовѣ городской совѣтъ, состоящій почти исключительно изъ поляковъ, единогласно постановилъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, открыть украинскую гимназію, въ которой теперь обучаются и польскія дѣти. Едва ли найдется во взаимоотношеніяхъ другихъ народностей фактъ, подобный этому.

Поляки въ своихъ уступкахъ останавливаются на той только границѣ, дальшѣ которой начинается организація соціальной революціи. Украинцы пока въ той политически незрѣлой стадіи развитія, что они прежде всего утописты соціальнаго и государственнаго радикализма. И вотъ соотвѣтственно настроеннаго большинства въ сеймахъ, которое затормозило-бы мирную жизнь края, поляки, по совершенно добросовѣстнымъ побужденіямъ, не допускаютъ, не допуская реформы въ этомъ направленіи выборовъ.

Но это даже на руку руссофиламъ, потому что радикализмъ украинскаго большинства обрушился бы на нихъ въ первую голову.

Польскую уступчивость вдохновители меморандумъ вѣроятно не въ состояніи объяснить себѣ ничѣмъ инымъ, какъ такимъ политическимъ слабоуміемъ, при которомъ нѣтъ предѣловъ сговорчивости, только бы приналечь и не стѣсняться.

Таково впечатлѣніе отъ безумнаго требованія, чтобы, поправъ волю и интересы $3^1/_2$ милiоновъ украинскаго народа и $1^1/_2$ мил. поляковъ восточной Галиціи, содѣйствовать главенству надъ всѣми ими кучки, какъ ихъ называютъ украинцы въ Галиціи, «москалефиловъ».

Обращаясь именно къ человѣческой совѣсти, но чистой, не обагренной волчьимъ апетитомъ, спрашиваю: какихъ еще жертвъ и чьихъ еще слезъ недостаетъ для счастья этой политической группѣ, самое большее въ нѣсколько тысячъ человѣкъ? Такъ ли имъ сиро и неуютно живется, какъ это изображаетъ мелодрама гр. Бобринскаго?

Они явно организованы и ведутъ явную пропаганду своихъ во всякомъ случаѣ враждебныхъ мѣстнымъ властямъ идей. Ихъ объединяетъ сильная политическак организація „Русская рада", въ которой участвуютъ — прошу обратить вниманіе — правительственные чиновники, учителя правит. гимназій, священники. Они издаютъ во Львовѣ газеты въ соотвѣтственномъ духѣ и распространяютъ ихъ среди народа. Богатое общество имени Качковскаго учреждаетъ по деревнямъ читальни, театры, своей пропагандой захватывая всю восточную Галицію. Вообще на каждомъ поприщѣ русскіе въ Галиціи пользуются полнѣйшей свободой дѣятельности. Исключительныя права и ограниченія, для усвоенія которыхъ у насъ необходимо спеціальное юридическое образованіе — имъ извѣстны только по наслышкѣ. Четыре, буквально четыре человѣка

временно лишены свободы по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Наполовину въ рукахъ русскихъ управленія епархіами львовской и пжемысльской. Три изъ пяти львовскихъ приходовъ также въ рукахъ лицъ, считающихъ себя русскими. Въ ихъ владѣніи „Народный домъ“ во Львовѣ, могущественное учрежденіе, обладающее недвижимостями и капиталами въ 8,000,000 кронъ. Все это въ 1852 г. австрійскій императоръ подарилъ «русинамъ города Львова», благодаря чему противъ завладѣнія „Домомъ“ русскими украинцы изъ года въ годъ протестуютъ, но напрасно. Въ „Народномъ Домѣ“ библіотека, клубы, бурсы, пансіонаты и пр., все въ духѣ чисто русскомъ.

Русскіе наконецъ владѣютъ и стариннымъ Ставропигіальнымъ братствомъ при Волоской Церкви, имѣющимъ также миліонные капиталы, типографію, музей. бурсы и т. д., все къ услугамъ чисто русской пропаганды. Не поляки виновны, что она даетъ результаты ничтожные.

На этомъ мѣстѣ я долженъ дать прямой отвѣтъ русскому читателю на вопросъ, для него основной, который онъ вправѣ поставить: „Вѣрите ли вы, поляки, на самомъ дѣлѣ, что $3^1/_2$ мил. украинцевъ составляютъ особый от русскаго народъ“. Отвѣта отъ имени поляковъ я давать не стану, потому что безъ пространной мотивировки онъ не будетъ для русскаго убѣдительнымъ. Скажу лишь, что поляки вправѣ совершенно искренне этому не вѣрить. Но допустимъ, что они, признавая этническую связь украинцевъ съ русскимъ народомъ, считали-бы, что онъ могъ бы ихъ ассимилировать, какъ ассимилировалъ значительную часть малороссовъ и бѣлоруссовъ въ Россіи.

Но и поставивъ поляковъ на такую точку зрѣнія, нельзя было-бы вытравить изъ ихъ ума сознанія, что возможность ассимиляціи уже безповоротно утрачена. Ложный путь, на который вступаютъ народности, не остается въ исторіи безъ расплаты. Невозвратимую цѣну пришлось уплатить за свои ошибки Польшѣ, крупно поплатилась за нихъ недавно Россія, современный, главенствующій націонализмъ уплатитъ за нихъ также не дешево. Онъ вырылъ не одну пропасть, въ томъ числѣ пропасть между собою и крупной частью малорусскаго племени. Потеря украинцевъ Галиціи свершившійся фактъ. Самоопредѣляетъ народъ не этническое родство, а воля народа. Существуютъ въ исторіи примѣры, что выходящіе изъ одного этническаго корня расходятся, обра-

зуютъ самостоятельныя культуры и народности. Продолжайся еще десятокъ лѣтъ господство націонализма въ Россіи въ настоящемъ его видѣ, каждый годъ будетъ отвращать отъ русской культуры и отрывать отъ русской народности извѣстную часть малорусскаго, а потомъ и бѣлорусскаго племени. Сознательный и безповоротный разрывъ украинцевъ Галиціи со своимъ этническимъ пнемъ это та роковая и минимальная уже цѣна, которую наложила историческая Немезида на русскихъ за то, что флагъ своего націонализма допустили захватить византійцамъ.

Какъ величайшій анахронизмъ XX ст., византійскій націонализмъ, котораго гнилое дыханіе отравляетъ теперь всю Россію, такъ уже далекъ отъ нашего пониманія зла и добра, что для разговора со своими же русскими, со своей интелигенціей, со своими-же націоналистами общечеловѣческаго образца, (какъ Погодинъ, Хомяковъ, Маклаковъ, Струве) онъ не имѣетъ уже языка, понятнаго и пріемлемаго другъ для друга.

Все, чего такой націонализмъ достигъ у себя дома, это того, что съумѣлъ фальсифицировать темные закоулки общественнаго мнѣнія.

Но въ Европѣ оно все озарено уже яркимъ свѣтомъ.

И выносить на этотъ свѣтъ лицемѣрныя слезы во имя человѣческой совѣсти не значитъ ли — обрекать русское имя на такой упрекъ, на какой не обречетъ его никогда и ни одинъ дѣйствительно любящій и уважающій Россію русскій?

Остановлюсь еще нѣсколько на приведенныхъ въ меморандумъ фактахъ. Просматривая ихъ, получается впечатлѣніе, во первыхъ: что такъ извращая дѣйствительность, любой семейный очагъ можно бы представить, какъ притонъ публичнаго разврата, и любую школу, какъ руководимую каторжниками; во вторыхъ: что, пожалуй, никогда международные обличители не обладали столь скуднымъ матеріаломъ для обличенія.

Примѣры:

1) Въ Дрогобычѣ, во время выборовъ произошли волненія между поляками и евреями. Были вызваны войска и ихъ вмѣшательство стоило 27 жизней.

Совершенно непонятно, причемъ тутъ насиліе надъ русскими. Если въ этой сурово осужденной поляками бойнѣ и пострадалъ какой либо русскій, то только случайно. Выборная политика Бобржинскаго, которую не одобряютъ поляки, направлена была

въ первой линіи не противъ руссофиловъ, а противъ польской партіи народовыхъ демократовъ.

Вообще путь борьбы съ незакономѣрными дѣйствіями намѣстника, если бы таковыя оказались, не прегражденъ никакими исключительными законами. Въ частности же, относительно выборовъ, я вдохновителямъ меморандумъ отказываю во всякомъ правѣ бросать камнемъ въ галицкіе выборы. Пусть посмотрятъ на себя въ зеркало и вспомнятъ то, что продѣлывали въ западныхъ губерніяхъ пять лѣтъ назадъ и что собираются повторить осенью.

2) Уніатскій митрополитъ Шептыцкій приказалъ какому то уніатскому священнику сложить депутатскія полномочья въ сеймъ. Причемъ тутъ польскій гнетъ? Митрополитъ Шептыцкій—ревнитель пользъ не католицизма и не польской политики, а уніатской церкви и украинской самостоятельности. Большинство поляковъ относится къ нему, какъ къ польскому ренегату. Онъ, какъ хорошо извѣстно, стремится, чтобы и въ Россіи русскіе переходили не въ католичество, а въ унію. Если въ указанномъ, довольно исключительномъ случаѣ, подвластный ему священникъ повиновался ему, то это во всякомъ случаѣ дѣло, не касающееся поляковъ.

3) Польскій учитель больно наказалъ украинскаго мальчика. Случилось такъ, что тотъ вскорѣ умеръ отъ менингита. И вотъ легенда о жестокомъ преслѣдованіи польскимъ учителемъ русскихъ мальчиковъ.

Вопль былъ поднятъ такъ громко, что польскія власти, для удостовѣренія своего безпристрастія, временно отрѣшили учителя отъ обязанностей и предали суду. Въ результатѣ мѣстный судъ присяжныхъ, составленный, исключая одного поляка, сплошь изъ украинцевъ, тщательно разобравъ дѣло, оправдалъ учителя, такъ какъ всѣ обвиненія оказались *сплошной выдумкой.*

Между тѣмъ въ меморандумъ заявляется категорически: «учитель убилъ ударомъ кастета мальчика». И далѣе: «вышибъ кулакомъ глазъ его сестрѣ». Основаніе такимъ утвержденіямъ только развѣ то, что игнорируя всѣ опроверженія, такъ продолжало печатать «Нов. Врем.» и др. націоналистическія газеты. То, что обличители носятся, какъ съ сокровищемъ, съ указанной выдумкой, ярко свидѣтельствуетъ, что отношенія польскихъ педагоговъ къ ученикамъ любой народности — безукоризненны

и — можно утверждать — нѣтъ здѣсь даже всегда допустимыхъ исключеній. Иначе они сейчасъ же были бы разысканы, раздуты и преданы гласности.

4) «Священники Сандовичъ и Гудимъ арестованы по обвиненію, что при помощи сантиметра измѣряли длину моста, въ чемъ усмотрѣно шпіонство въ пользу Россіи; между тѣмъ длина этого моста указана въ любомъ путеводителѣ». Опять таки бьющее на наивность читателя повтореніе облюбованной газетной сказки. Послѣ ареста указанныхъ лицъ, мѣстная достовѣрная пресса сообщила, что освободить ихъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ противъ нихъ собраны очень вѣскія улики, подтверждаемыя неоспоримыми свидѣтельскими показаніями. О томъ, чтобы сантиметръ и измѣреніе моста играли тутъ какую либо роль, ни слова. Если это и было на самомъ дѣлѣ, то было эпизодомъ, имѣющимъ самое ничтожное отношеніе къ причинамъ ареста.

Не продолжаю разбора описанныхъ фактовъ, потому что, право, становится противно. Лицемѣріе сплошное и безнадежное.

Но въ такомъ случаѣ самъ собою возникаетъ вопросъ: cui bono?—чего ради оглашено это удивительное меморандумъ? Вѣдь составители его знали, что никто способный оріентироваться въ политическихъ и религіозныхъ взаимоотношеніяхъ, особенно въ западной Европѣ, не останется долго подъ гипнозомъ вывернутаго на изнанку «контраста».

Да, они это знали, но имъ было необходимо хотя бы то неуловимое, которое всетаки остается послѣ всякаго злословія; имъ была необходимой хотя бы тѣнь сомнѣнія, могущая зародиться у западнаго европейца въ религіозную терпимость и національную честность поляковъ.

Въ той области, въ которой два крайнихъ крылья торжествующаго теченія: националъ-либеральное и реакціонное сливаются—какъ проговорился пр. Капустинъ—воедино, въ которой слѣдовательно побѣда дается легко: въ области обрусительнаго натиска на духовную жизнь окраинъ—предполагается повторить опытъ руссификаціи костела въ западныхъ губерніяхъ, опытъ, который въ теченіи 25 лѣтъ уже проводился и привелъ лишь къ нравственному очищенію и національному подъему польскаго духовенства, заодно подготовивъ почву къ стихійному переходу въ католичество многихъ тысячъ. Предполагается повторить опытъ религіознаго культуркампфа который, продѣлалъ надъ польскими католиками Германіи Бисмаркъ, чтобы затѣмъ рас-

каяться въ своемъ заблужденіи и, быть можетъ единственный разъ въ жизни, отступить и вернуть противнику всѣ позиціи. Предполагается повторить опытъ не страшный для польской народной вѣры и не опасный для польскаго народнаго организма, но попирающій такъ жестоко святыя святыхъ человѣка, что за эту цѣну, мы, въ XXст., уже отказываемся отъ всѣхъ прибылей, которыя несомнѣнно сулило бы намъ вступленіе нашихъ братьевъ на крестный путь подвижничества.

По отношенію же къ Россіи, меморандумъ играетъ явную роль очередныхъ, агитаціонныхъ навѣтовъ на поляковъ.

Смѣняя безконечной лентой другъ друга, они продолжаютъ быть сквернымъ оправданіемъ скверпаго дѣла.

Въ заключеніе отмѣчу, что существуетъ очень немного историческихъ документовъ, вдохновители которыхъ такъ выдавали бы себя головой, какъ вдохновители меморандумъ. Они подставили себя подъ освѣщеніе безпощадное, подъ которымъ—можно бы сказать—просвѣчиваютъ насквозь. Мнѣ чрезвычайно жаль, что, по нѣкоторымъ побужденіямъ, я только вскользь использовалъ столь необыкновенный матеріалъ, щадя и не касаясь многаго.

Но я утѣшаю себя тѣмъ, что это документъ значенія не мимолетнаго, что и спустя лѣтъ 20 онъ сохранитъ всю дѣвственную свою непосредственность.

Для будущаго историка онъ кладъ. Онъ замѣнитъ недѣли исканій въ книжной и газетной пыли. Для художника бытописателя онъ немеркнущее озареніе мрачнаго замысла воскресить въ XX ст. эпоху византійскаго блуда и развала.

Современные византійцы, вытравливающіе изъ человѣческой души все, что природа заложила въ нее достойнаго; ихъ государственность и этика, ихъ патріотизмъ, и славянофильство, и свободолюбіе, и терпимость, вся скверна ихъ дерзаній, всѣ смертные ихъ грѣхи въ личинахъ евангельскихъ добродѣтелей—запечатлѣны въ меморандумъ нетлѣнно.
